

— Апчхи!

Бай Сун дома чихнул так громко, что вздрогнул.

Черт, небось этот мелкий паршивец Бай Цин опять замышляет, как бы его подставить? Бай Сун одной рукой содрал верхний лист с кочана капусты и злобно подумал: неужели у младшекласников так много уроков? Почему этот малец каждый день выглядит так, будто у него вообще забот нет? Снижение нагрузки, снижение нагрузки... ну зачем им вообще эту нагрузку снижать? Слышали поговорку, что в семь-восемь лет ребенок хуже собаки? Если не задавать им кучу заданий, чтобы хоть как-то отвлечь от их неиссякаемой энергии, они же просто на голову сядут! Стоило бы хоть немного подумать о чувствах родителей.

Восьмилетние мальчишки — самые страшные существа на свете. У них бесконечное любопытство, разрушительная сила и выносливость, а что еще хуже — у них есть Закон о защите несовершеннолетних.

Дзинь-дон, дзинь-дон-дон!

— Иду, иду! У тебя что, ключей нет, паршивец? Чего звонить-то? Опять их потерял? — Бай Сун швырнул капусту за пазуху, прижал подол майки подбородком, чтобы кочан не выпал, и пошаркал к двери, продолжая ворчать.

Как только дверь открылась, он остоленел: на пороге стоял Юнь Цюцзэ, держа Бай Цина за руку.

Бай Сун любил носить свободную одежду. Это на работе он вынужден был ходить в костюмах, а дома предпочитал старую майку и широкие шорты, совершенно не заботясь об имидже. А тут еще этот нелепый кочан под майкой, из-за которого живот наполовину вывалился наружу. Зрелище было, мягко говоря, жалкое.

— О! Учитель, вы пришли! Проходите, пожалуйста, проходите! — Бай Сун поспешно выудил капусту и бросил ее на обувную полку, одернул растянутую майку и, пока Юнь Цюцзэ не видел, свирепо зыркнул на сына: — Марш руки мыть, сорванец!

— Знаете, Бай Цин сказал, что вы порезали палец, когда готовили, вот я и решил заглянуть, заодно вернуть вам ручку, — Юнь Цюцзэ озвучил заранее подготовленную версию и достал из кармана дорогую перьевую ручку.

Юнь Цюцзэ обожал коллекционировать ручки, что отчасти было связано с его профессией. Если бы это была обычная безделушка, он бы не стал искать повод встретиться с Бай Суном. Но это был Montblanc, серия в честь Шопена — стоила несколько тысяч, негоже было оставлять ее себе.

— О, спасибо вам большое! Столько хлопот из-за какой-то ручки, — Бай Сун принял ее с ностальгической улыбкой. — Это подарок отца, когда меня повысили. Я дома всё перерыл, думал, потерял. Спасибо, что сохранили!

— Да пустяки. Главное, что с вашей рукой всё в порядке. Я тут купил немного... лекарств, — на самом деле это был шоколад из кондитерской, но Юнь Цюцзэ знал, что Бай Сун не разрешает сыну сладкое, поэтому не стал уточнять, просто показал пакет.

Кондитерская всегда упаковывала сладости в свежие зеленые бумажные пакеты с логотипом. Бай Сун сразу всё понял:

— Не стоило, правда! У меня пустяковая рана, просто чиркнул ножом, уже всё зажило.

Бай Сун поднял перебинтованный палец, чтобы показать, что всё хорошо, но неловко дернул рукой и потянул сухожилие. От боли он невольно скривился.

— Я те конфеты с османтусом, что вы приносили, уже съел. Считайте, это мой ответный жест. Они только что из печи, грех не попробовать.

— Ладно, раз так, я приму. Чуть позже... — Бай Сун глянул в сторону ванной и прошептал ему на ухо: — Когда этот малец уйдет в комнату делать уроки, мы их и слопаем.

— ...Хорошо.

Бай Цин, вымыв руки, вприпрыжку выбежал к ним:

— Учитель, учитель, оставайтесь у нас ужинать!

— Точно! Раз уж вы пришли, давайте поужинаем. Я сейчас быстро что-нибудь приготовлю, а ты, Бай Цин, посиди с учителем, посмотрите телевизор.

Раз уж гость пришел, не выгонять же его в обеденное время. Правда, кулинарные таланты Бай Суна... оставалось лишь надеяться, что он не отправит учителя на тот свет.

Юнь Цюцзэ видел, как Бай Сун пытается поднять капусту, снова задевает больной палец и морщится от боли.

— Давайте я приготовлю. У вас рука не в лучшем состоянии.

— Нет-нет, что вы! Я сам, как же гостя заставлять готовить?

— Ничего страшного, я справлюсь. А то вы еще раз себе что-нибудь отрежете.

Бай Сун готовил плохо, но денег на продукты не жалел: овощи самые свежие, мясо самое лучшее. Вот только из-за его мастерства вся эта свежесть теряла смысл — просто перевод продуктов.

Юнь Цюцзэ жил один, к еде относился требовательно. Хотя он и не был профессиональным поваром, готовил вполне прилично. По сравнению с Бай Суном... впрочем, лучше промолчать, чтобы не задеть его самолюбие.

Юнь Цюцзэ приготовил четыре блюда и суп, сварил рис. Аромат наполнил всю квартиру еще до того, как он накрыл на стол. Бай Сун обычно был рад, если еда хотя бы не подгорала, а тут — такой запах!

Бай Цин отправил в рот первый кусок и замер. Он посмотрел на отца, а Бай Сун принялся накладывать ему в чашку еще:

— Ешь больше, ешь! Учитель редко к нам заходит, не стесняйся!

— Пап.

— Ешь, ешь.

— Значит, все эти годы ты кормил меня ядом?

Юнь Цюцзэ чуть не подавился супом, а Бай Сун отвесил сыну подзатыльник:

— Ты что несешь? Я же твой родной отец!

— Начинаю сомневаться, — Бай Цин был на грани слез, но при этом продолжал жадно запихивать в себя еду.

— Неужели так невкусно? Паршивец, неблагодарный! — Бай Сун чувствовал, что его аргументы звучат неубедительно.

— Учитель.

Юнь Цюцзэ, который в этот момент тихо посмеивался, вздрогнул, услышав свое имя:

— А? Да, что такое?

— Я ошибся. Папа готовит совсем невкусно. Просто ужасно. Отвратительно, — Бай Цин использовал три разных слова, чтобы подчеркнуть, насколько ужасна стряпня отца. С его заплаканными глазами можно было подумать, что Бай Сун — злой отчим.

— Пфф... кхе-кхе. Ничего, дети не должны быть такими придирчивыми к еде. Мальчишка должен расти неприхотливым, — Юнь Цюцзэ не сдержался и рассмеялся, но тут же взял себя в руки, вернувшись к роли учителя.

Бай Цин покачал головой:

— Я не об этом.

— А о чем тогда? — Юнь Цюцзэ взъерошил ему волосы и отправил в рот кусочек овощей.

— Я хотел сказать, что хоть папа и готовит отвратительно, во всем остальном он хороший мужчина. Вы не хотите выйти за него замуж и стать моей мачехой?

Бай Сун выплюнул рис обратно на стол. Юнь Цюцзэ сделал то же самое.

Они слышали подобные заявления от Бай Цина уже сотни раз, но всегда воспринимали это как детские шутки. Но чтобы услышать это одновременно...

Два страуса, вынужденные высунуть головы из песка, растерянно уставились друг на друга.

— Папа говорит, что мужчина с женщиной не могут быть вместе. Но почему? Разве нельзя быть вместе, если любишь? Учитель, вам нравятся мужчины?

— Кхм... Бай Цин, ты наелся? Если наелся, иди делай уроки, — Бай Сун смутился донельзя и похлопал его по голове.

Бай Цин надулся:

— Я еще не наелся!

— Бай Цин, даю тебе минуту на то, чтобы помыть руки, и марш за уроки. Это правило Бай Суна: если он давал минуту, это не обсуждалось, иначе отец по-настоящему разозлится.

Бай Цин поплелся в свою комнату. У него не было смелости бросить вызов авторитету отца.

В гостиной остались Бай Сун и Юнь Цюцзэ. Стало еще неловче.

— Я... я помою посуду. Посмотрите пока телевизор.

— Не стоит, — Юнь Цюцзэ опустил глаза и достал из сумки конверт. — Здесь те пять тысяч, что вы одолжили мне в прошлый раз. Я оставлю их здесь. Раз у вас всё в порядке, я пойду.

Бай Сун решил, что тот обиделся на шутку Бай Цина, и поспешно схватил его за руку:

— Бай Цин еще маленький, несет всякую чушь. Я обещаю, что он больше не будет такое говорить. Не злитесь из-за этого.

— Я не злюсь из-за этого, — тихо ответил Юнь Цюцзэ. — Я и так гей.

— А?

— Я говорю, что я гей, поэтому вопрос о том, нравятся ли мне мужчины, меня не злит.

— А... — Бай Сун не ожидал такого ответа и на мгновение оцепенел, но руку Юнь Цюцзэ не отпустил.

Юнь Цюцзэ вздохнул и выдернул руку:

— Теперь вы знаете. Можете перевести Бай Цина в другой класс или пожаловаться директору — мне всё равно.

— А?

— Я пошел.

Он был уверен, что Бай Сун так и поступит. Даже если на словах скажет, что не имеет ничего против, всё равно будет сторониться его, как прокаженного. Впрочем, к этому он уже привык.

— Алло? Нин-цзы? Друг, я, кажется, остался без работы, пойдем выпьем! — Юнь Цюцзэ вышел из жилого комплекса, достал телефон и позвонил Лю Нину.

— О господи, дружище, ты работу потерял или любовь? Сколько ты уже выпил? Тише, тише, хватит пить, — Лю Нин, не в силах смотреть на то, как тот лихорадочно заливает в себя пиво, начал отбирать у него бутылки.

— Чего ты! Разве безработный не имеет права выпить? Ты пришел составить мне компанию, а не читать нотации! Проваливай домой к своей жене!

— Да что случилось-то? Как ты умудрился работу потерять? Уволился?

— Пока нет, — Юнь Цюцзэ укусил шашлычок и мрачно добавил:

— Ну и чего тогда паникуешь? Раз не уволили, к чему этот цирк?

— Ты ничего не понимаешь.

— Конечно, я ничего не понимаю, ты же мне ничего не объяснил! Как я могу понять, если ты молчишь? — Лю Нин чувствовал себя жертвой обстоятельств: вечер, он три часа сидит с ним, выслушивает нытье, да еще и огрызания получает. Настоящий святой, а не друг!

Юнь Цюцзэ долго бормотал себе под нос, но в итоге признался:

— Завтра мне там точно ловить нечего. Помоги найти школу, где еще нужны учителя.

— Да объясни ты нормально! Опять тот родитель пожаловался? Ты же говорил, Бай Сун всё уладил?

— Не в этом дело. Я... я сегодня случайно проболтался Бай Суну, что мне нравятся мужчины. Думаю, завтра он пойдет в школу, переведет Бай Цина в другой класс и заодно настучит на меня. Какая разница, сегодня я безработный или завтра?

Лю Нин призадумался:

— Не думаю, что он такой человек. Ты сам говорил, что он помог тебе с тем скандалом. Если бы он был таким, как ты думаешь, он бы уже давно отреагировал. Не накручивай себя.

— Это другое! Тот случай был связан с Бай Цином? Нет. А Бай Цин так ко мне привязан, да еще и говорит такие вещи... Бай Сун не может не принять это близко к сердцу. Он наверняка думает, что это я развращаю его сына. Он же души в нем не чает, неужели он позволит мне сбить парня с пути истинного?

— Не нравится мне, как ты говоришь. Что значит сбить с пути? С чего ты взял, что это ты его на что-то плохое толкаешь? Почему ты вечно берешь всю вину на себя?

<http://bllate.org/book/19777/1948638>